

Закрыв дверь, Чжао Нин направился в комнату.

— Сяо Нин, кто это был? — спросил амо Чжао, сидя за шитьём и даже не поднимая головы.

— Цзыци. Он купил мяса и позвал меня с братом к себе на ужин. — Чжао Нин сел рядом с амо.

Амо Чжао нахмурился, явно не одобряя:

— Разве не говорили, что при разделе семьи им почти ничего не досталось? Мог бы и поэкономнее быть.

— Я ему так и сказал. Но Цзыци ответил, что сам всё рассчитал, — с лёгкой обидой проговорил Чжао Нин. — Только мне кажется, он стал держаться от меня дальше. Уже не такой, как раньше. Не такой открытый.

Прежде они были особенно близки: вместе делили и беды, и радости, и всем хорошим тоже всегда делились друг с другом.

Выслушав его, амо Чжао одобрительно кивнул:

— Он и правда хороший. После всего, что ему пришлось пережить, он вырос, поумнел, стал рассудительнее. А ты всё ещё думаешь, будто он по-прежнему свободен и ни за кого не в ответе? Теперь он не один. У него семья на плечах, и действовать он должен с умом, по плану. Не может же он вечно оставаться ребёнком.

— Почему не может? Мы ведь были очень близки, — упрямо возразил Чжао Нин.

Амо Чжао только покачал головой. Его гер и впрямь доставлял немало хлопот. Если тот когда-нибудь выйдет замуж, ещё неизвестно, что из этого получится. Похоже, его и правда пора как следует приструнить.

Вернувшись домой, Чжун Цзыци прислонился к двери и прислушался.

Тихо.

Он поднял руку и постучал:

— Чжэнъань, я вернулся. Открой.

Едва он договорил, как дверь тут же распахнулась. Чжао Чжэнъань с покрасневшими глазами бросился к нему и крепко обнял, не переставая сбивчиво бормотать:

— Жена... жена...

У Цзыци болезненно сжалось сердце. Он мягко погладил его по голове, догадываясь, что с самого его ухода тот, наверное, так и просидел у двери.

— Ну вот, видишь? Я же вернулся. Я тебя не брошу.

Чжао Чжэнъань радостно закивал и, цепко ухватив Цзыци за руку, повёл его в дом.

— Я пойду готовить. Если кто-то постучит, откроешь дверь. А если станет скучно — можешь дальше пойти полоть траву. Или приходи на кухню, поможешь мне с огнём. Справишься с очагом?

— Справлюсь! Я часто помогал амо разводить огонь, — с гордостью сказал Чжао Чжэнъань и даже похлопал себя по груди.

Сейчас ему не хотелось отходить от Цзыци ни на мгновение, так что он, конечно, выбрал второе. Взял маленькую скамеечку и уселся у печи на кухне, послушно ожидая указаний, а взгляд его неотступно следовал за каждым движением Чжун Цзыци.

Цзыци остался к этому внешне равнодушен и позволил ему смотреть сколько угодно. Сначала он тщательно промыл купленный сегодня рис, смешал его наполовину с нешлифованным и поставил вариться. В деревенских домах обычно было по два больших котла, так что готовить и рис, и блюда одновременно было очень удобно.

Показав Чжао Чжэнъаню, что можно начинать подбрасывать дрова, Чжун Цзыци занялся мясом. Купленную сегодня грудинку он нарезал кусочками, свиную печень и рёбрышки тщательно промыл, отложив в сторону мариноваться. Оставшийся жир он собирался вытопить на смалец, а потроха и кости приберёт — на потом, чтобы растянуть надолго.

Когда в котле раскалилось масло, он бросил туда чеснок, зелёный лук, имбирь — кухня сразу наполнилась густым, дразнящим ароматом. Затем засыпал рёбрышки, обжарил, пока те не побелели, влил воды и оставил тушиться до мягкости. Почти перед самым концом добавил соль, щепоть сахара и немного крахмала, быстро всё перемешал и только потом выложил на блюдо.

Покосившись на Чжао Чжэнъаня, который послушно сидел у огня, Цзыци взял палочки, зажал ими два кусочка рёбрышек, положил в тарелку и протянул ему:

— Попробуй. Вкусно?

Чжао Чжэнъань схватил тарелку так быстро, будто боялся, что её отнимут. Он уже очень давно не ел мяса. Даже если дома его и готовили, ему почти никогда не доставалось — амо ругал его и не давал. Он, не обращая внимания на жар, тут же впился зубами в рёбрышко, и в следующую секунду глаза его ярко засияли.

— Вкусно! У жены вкуснее всех!

Цзыци невольно рассмеялся. Когда кто-то так искренне хвалит его стряпню, и готовить хочется с куда большим желанием.

Вторым блюдом он сделал острые ломтики свинины — как раз из той самой грудинки. Главным в этом блюде был, конечно, жгучий вкус. Когда мясо было готово, он снова отложил несколько кусочков Чжао Чжэнъаню. По запаху он и сам понимал, насколько там злой перец, и, поддавшись озорству, присел перед ним на корточки, внимательно глядя, как тот отправляет мясо в рот.

Чжао Чжэнъань прожевал пару раз — и тут же покраснел до глаз. Веки его задрожали, он зашипел, втягивая ртом воздух. Маленькая шалость Цзыци удалась именно так, как он и хотел. С довольным видом он поднялся, зачерпнул из водяного чана миску воды и протянул ему:

— Жжётся, да? Быстро, запей.

Чжао Чжэнъань тут же схватил миску и осушил её залпом. Цзыци хотел было забрать у него оставшиеся острые кусочки, но неожиданно наткнулся на яростное сопротивление.

— Слишком остро. Тебе нельзя.

— Можно! Вкусно! Не забирай!

Цзыци почесал затылок и беспомощно посмотрел на него:

— Ладно. Но если живот начнёт болеть, сразу скажешь мне. А то ещё так желудок испортишь — придётся к лекарю идти.

Чжао Чжэнъань поспешно закивал, всё так же крепко прижимая миску к себе, словно боялся, что её вот-вот отнимут.

В это время снаружи слышался шум у ворот. Цзыци велел Чжао Чжэнъаню дальше есть, а сам пошёл открывать. За дверью и правда оказались Чжао Нин и Чжао Шэн.

— Вы пришли. Заходите скорее, ужин почти готов.

Чжао Нин шумно втянул носом воздух и тут же загорелся глазами, глядя в сторону кухни:

— Как вкусно пахнет! Цзыци, это ты готовил?

Даже Чжао Шэн, уловив этот запах, невольно сглотнул. Вообще-то идти он не хотел: всё-таки недавно женившийся гер, да ещё и с дурачком-мужем — не самая удобная компания для визитов. Но амо сказал, что если идти вместе с Нином, ничего страшного не будет: Чжао Нин ведь тоже гер, чего тут бояться. Так что он всё же пришёл.

Цзыци, улыбаясь одними глазами, ответил:

— Ну конечно я. А кто же ещё?

— Ничего себе! Я и не знал, что ты так умеешь!

— Да ты ещё многого обо мне не знаешь, — с усмешкой сказал Цзыци. — Проходите в дом, скоро всё будет готово. Я попрошу Чжэнъаня посидеть с вами.

Чжао Нин тут же замахал рукой:

— Я лучше помогу тебе. И заодно поучусь. А Чжао Чжэнъань пусть пока с моим братом поговорит.

Так Чжао Чжэнъаня и выставили с кухни. Послушный словам жены, он пошёл составить компанию Чжао Шэну, но перед уходом бросил особенно жалобный, полный тоски взгляд на мясо, которое ещё оставалось в его тарелке недоеденным.

Последним блюдом стала свиная печень, быстро обжаренная с маленькими огурцами. Чжао Нин подбрасывал дрова, а Чжун Цзыци стоял у котла с лопаткой. От запаха у Чжао Нина уже урчало в животе. Помедлив, он всё-таки спросил:

— Цзыци... ты... правда собираешься и дальше жить с Чжао Чжэнъанем?

Рука Цзыци на миг замерла, но лицо его не изменилось.

— А как иначе? Я уже вышел за него. С кем же мне ещё жить, если не с ним?

Даже самым близким людям не всё можно говорить. А уж Чжао Нина он пока и подавно не успел узнать настолько хорошо, чтобы позволить себе лишнее. Стоило сказать что-то неосторожное — и слова могли разойтись по округе.

Чжао Нин поспешно заговорил:

— Но он же дурак. Он даже работать не может. Ты что, правда собираешься жить только на те три му земли? С них ведь много зерна не соберёшь.

Цзыци, не меняясь в лице, продолжил помешивать в котле.

— Вообще-то сейчас мне живётся очень даже хорошо. Мне больше не приходится терпеть косые взгляды и постоянные придирки дяди с его мужем в доме Чжун. От семьи Чжао мы тоже отделились, и теперь они уже не смогут так просто лезть ко мне с неприятностями. Наверное, это вообще первая спокойная жизнь с тех пор, как умерли мои родители. А насчёт денег я что-нибудь придумаю. Сам знаешь, человеку вроде меня не так-то легко встретить по-настоящему хорошую семью.

Эти слова прозвучали тяжеловесно, но в них не было ни капли преувеличения.

Чжао Нин и сам всё это прекрасно понимал. Если гер оставался без отца и без амо, если родня смотрела на него как на обузу, то ещё оставался шанс устроиться, попав в хорошую семью. Но если судьба заносила его в такой дом, как семья Чжао, всё становилось иначе: свекровь начинала помыкать им, как рабочей скотиной, гоняла без жалости, а насытиться досыта он порой не мог и вовсе. Ведь все знали: даже если его обидят, бежать ему некуда. Возвращаться не к кому.

В деревне, кстати, был один такой живой пример.

Тоже семья Чжао. У одного гера рано умер амо, а отец потом привёл в дом мачеху. Та обращалась с ним хуже некуда. Когда его выдавали замуж, за ним не дали даже приданого, и потому в доме мужа над ним измывались ещё сильнее, унижали без конца. В конце концов он не выдержал, устроил большой скандал — и мужнина семья выгнала его прочь, оформив раздел.

А гер, которого выгнали, словно негодный товар, становился в глазах людей почти клеймённым. На него косились, о нём шептались за спиной, тыкали пальцем. И даже если многие понимали, что вины его в случившемся, может, и не было, сам факт того, что его отвергли, оставался чем-то таким, что мир не прощал.

А уж хорошая семья и подавно не стала бы брать к себе такого гера.

Собственная родня тоже посчитала, что он только позорит дом. Назад его не приняли и даже пустили слух, что раз он уже выдан замуж, то он теперь — как выплеснутая вода: с прежней семьёй его больше ничто не связывает.

Но всё же он был человеком из деревни Чжао, а тут почти все приходились друг другу хоть дальними, да родственниками. Староста не мог просто сделать вид, будто не замечает бездомного, одинокого гера, которому некуда податься. В итоге он одолжил ему денег, чтобы тот смог поставить в деревне маленькую соломенную хижину. Так тот и осел там. Жил один, почти ни с кем не общался, дома вышивал, плёл рамки, зарабатывал понемногу на жизнь и делал вид, будто не слышит грязных слов и пересудов снаружи.

Чжао Нин понимал, что теперь уже поздно что-то говорить. Просто ему было обидно за друга, вот и всё.

Чжун Цзыци выложил еду на блюда и, покачав головой, мягко сказал, понимая, что тот всё это говорит из лучших побуждений:

— Не переживай за меня. Такая жизнь — как вода: только сам знаешь, холодна она для тебя или тёплая. Тебе кажется, что мне плохо, а мне сейчас, наоборот, вполне хорошо. Ем, что хочу. Делаю, что хочу. Это мой дом, и решаю здесь я.

— Пф-ф, — Чжао Нин не выдержал и прыснул со смеху.

Его меланхолия тут же развеялась от этой странной, но почему-то очень убедительной философии. И хочешь не хочешь, а приходилось признать: в словах Цзыци был смысл. Недаром amo всё время твердил ему, чтобы он учился у Цзыци. Одно только это спокойное, невозмутимое отношение к жизни уже было тем, в чём ему до него далеко.

Так и начался их вкусный вечерний ужин.

Сам Цзыци ел немного. Аппетит у него и без того был невелик, а собственную стряпню он пробовал уже столько лет, что она не вызывала у него особенного восторга. Зато трое остальных думали совсем иначе.

Чжао Нину очень хотелось сделать замечание, что Цзыци кладёт в еду слишком много масла — уж слишком расточительно. Но сейчас у него просто не поворачивался язык. Особенно из-за того блюда с острыми ломтиками мяса: от жгучего перца все трое только и делали, что шумно втягивали воздух, но палочки не откладывали ни на миг — боялись, что вкусное расхватают раньше, чем они успеют наестся.

А Чжао Чжэнъань, хоть и простоватый, в деле делёжки еды отставать совсем не собирался. Более того — это ведь был его дом. И это еду приготовил его супруг. Так что вёл он себя особенно уверенно и по праву считал, что ему положено не меньше всех остальных, а то и больше.

Чжао Шэн поначалу ещё держался скромно, но очень быстро отбросил эти ненужные церемонии и тоже вступил в эту безмолвную битву.

Цзыци в полдень поел довольно плотно, так что сейчас не особенно проголодался и ел медленно. Но, глядя, с каким удовольствием трое остальных уплетают приготовленное, он тоже чувствовал странное, тихое удовлетворение. Наверное, это была обычная слабость любого повара — желание, чтобы его еду любили и признавали.

Однако очень скоро Цзыци пришлось ускориться и самому приняться есть как следует. Потому что сидевший рядом Чжао Чжэнъань, успевая набивать рот сам, не забывал ещё и подкладывать еду ему. Глядя на тарелку, уже наполненную доверху, Цзыци невольно ощутил, как внутри потеплело. Он придержал руку Чжао Чжэнъаня, который собирался добавить ещё:

— Хватит, ешь сам. Мне и этого достаточно.

Лишь после этого Чжао Чжэнъань успокоился и снова сосредоточился на своей еде.

Заметив это, Чжао Нин удивлённо вскинул брови:

— Цзыци, а Чжао Чжэнъань, оказывается, к тебе и правда хорошо относится. Я-то думал, раз он... такой, то вообще ничего не понимает.

После напоминания Цзыци Чжао Нин уже не решался называть его «дураком» и потому с неловкостью произнёс только имя.

Услышав, что произнесли его имя, Чжао Чжэнъань гордо хлопнул себя по груди:

— Моя жена!

И непонятно было, то ли он и правда уловил смысл сказанного, то ли просто услышал знакомое.

— Пф-ф!

— Ха-ха!

Смех Чжао Нина и Чжао Шэна прозвучал почти одновременно.

Цзыци беспомощно посмотрел на обоих, зажавших рты руками. И винить их было трудно. Вид у Чжао Чжэнъаня в эту минуту и правда был до невозможности смешной: лицо перемазано, словно у маленького котёнка, всюду пятна жира, во рту ещё зажата косточка, и, когда он заговорил, она перекатилась к правой щеке, так что та смешно вздулась бугорком — прямо тянуло ткнуть пальцем. А он ещё и старательно делал вид, будто ужасно собой гордится. Ну как тут не рассмеяться.

После ужина все четверо лениво развалились на стульях, довольные, сытые, с полными животами. Чжао Нин от души рыгнул и с блаженным видом сказал:

— Цзыци, с каких это пор ты стал так вкусно готовить? Я ведь и понятия не имел.

Лицо Цзыци сразу стало серьёзнее, а в глазах мелькнула тень печали.

— Меня этому учил мой амо, ещё когда был жив. Просто до сих пор случая показать это не выпадало. Так что неудивительно, что ты не знал.

<http://bllate.org/book/16132/1593280>